

Н.Б. Боева-Омелечко, К.П. Постерняк

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА-КОНЦЕПТА РОССИИ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Образы государств как особые ментальные модели в большинстве своем создаются в политическом медиадискурсе, который имеет мощный персуазивный потенциал. В разные периоды истории образ одного и того же государства может быть неодинаковым. В статье рассматриваются механизмы изменения образа России в британском политическом медиадискурсе на основе сравнительного анализа экспликации ядра образа-концепта России и его трех основных слоев – метафорического, оценочного и этнокультурного ассоциативного – в период после распада Советского Союза (1991–1993 гг.) и в современный период (2013–2018 гг.). Основными теоретическими предпосылками являются работы по имагологии, когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, а также по проблемам критического дискурс-анализа.

Ключевые слова: британский политический медиадискурс, образ государства, образ-концепт России, трансформация образа-концепта, лингвистическая экспликация.

Внешняя политика государства, регулирующая отношения страны с другими государствами, неразрывно связана с процессом формирования образов союзников и врагов [1. Р. 192].

Вполне естественно, что образы государств как особые ментальные модели [2. Р. 191] часто создаются в политическом медиадискурсе, поскольку «политика и средства массовой информации... в основном стали идеологическими партнерами» [3. Р. 37]. В нашей статье мы опираемся на теоретические принципы, сформулированные Ван Дейком, и рассматриваем медиадискурс как результат познавательной и социальной деятельности журналистов, направленной на создание текстов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19-31-27001 и № 19-312-90072.

Этот тип дискурса особенно важен для создания образов государств, потому что последние принадлежат феноменам, «которые не являются частью повседневного опыта людей» [3. Р. 35]. Это означает, что люди формируют свое мнение о других государствах через призму положительных или отрицательных образов, создаваемых журналистами, выполняющими определенный социальный заказ. Подчеркивая ведущую роль средств массовой информации в создании образов других государств, К. Боулдинг [4. Р. 114] пишет: «Нации – это творение не их историков, а их врагов. В двадцатом веке образ Соединенных Штатов как “гибнущей республики, превращающейся в империю”, отчасти является созданием России, а невротическая агрессивная Россия – частично созданием Соединенных Штатов».

В разные исторические периоды в медиа дискурсе определенной страны могут создаваться контрастные образы другого государства. Согласно К. Боулдингу [4. Р. 113], «у нас есть, с одной стороны, “послевоенные” периоды, в которых в целом дела идут от худшего к лучшему, и у нас есть “довоенные” периоды, в которых дела идут от лучшего к худшему». Это в полной мере относится к образу новой России, возникшему в конце прошлого века в британском политическом медиадискурсе.

1990-е гг. начались с распада Советского Союза, идеологического противника капиталистических государств, и рождения новой России, менее опасной для Запада, в том числе и для Великобритании. По словам премьер-министра Терезы Мэй, «Великобритания смотрела на постсоветскую Россию с надеждой» [5]. В тот период для западных государств положение изменилось от худшего к лучшему, поскольку они посчитали себя победителями в идеологической войне с СССР. В результате образ агрессивной России в британском политическом медиадискурсе был заменен на образ предположительно дружественной новой России (2). А финансовый мир Британии помогает ей избавиться от своего коммунистического прошлого (1):

(1) The City helps Russia *get out of the red* (Times. 1992. Январь 17).

(2) Boris Eltsin was called “the elected president of what is now supposedly a *friendly country*” (Guardian. 1993. Март 23).

Это «красное прошлое» повергло нашу страну, по мнению британского публициста, в руины:

(3) The country is *bloody deep in ruin* (Financial Times. 1991. Август 19).

В последние несколько лет XX в. наблюдается противоположная тенденция. Британские политические лидеры вновь рассматривают Россию как угрозу своей стране из-за воссоединения Крыма с Россией, конфликта на юго-востоке Украины, дела Скрипалей. У политиков туманного Альбиона возникла потребность в создании совершенно иного образа России – агрессивно-го, чрезвычайно опасного государства, одержимого захватом земель. И такой образ с нарастающей силой стал активно формироваться в британской прессе с 2014 г. Даже в законодательных документах правительства Великобритании говорится об «усилении защиты от всех форм действий *враждебного государства*» [5]. Современный медиадискурс часто демонстрирует агрессию, словесное давление, внушение [6], и это объясняется тем, что популярность и «хайповость» статьи, которая строится на негативе или скандале, играет больше роль, чем 30 лет назад.

Авторы статей теперь заявляют, что «Россия представляет для Британии большую угрозу, чем повстанцы в Ираке и Афганистане» (Times. 2018. 22 февраля), оценивая отношения между Россией и Великобританией как самые напряженные со времен холодной войны (Independent. 2018. 2 апреля). То есть произошло изменение образа государства, которое «можно назвать революционным» [4. Р. 8]. Это дает ключ к пониманию процесса формирования и трансформации образа государства в медиадискурсе под влиянием определенного социального и политического контекста.

Образы государств находятся в центре изучения когнитивной лингвистики, а также имагологии (от лат. слова *imago* – образ), которая изучает законы формирования и представления образов государств в различных дискурсах. Как утверждает Ван Дейк, «из всех форм печатных текстов тексты медиадискурса являются наиболее убедительными, если не самыми влиятельными с точки зрения массовости аудитории, на которую они воздействуют» [7. Р. 24].

Понятие «образ-концепт государства» было введено К. Боулдингом [4]. По его мнению, данный образ представляет собой определенный стереотип, имеющий когнитивную, оценочную и эмоциональную составляющие. Это представление о нации, которое скла-

дывается в глазах другой и влияет на поступки людей [4. Р. 120–121]. Это определение закладывает основу для диахронического сравнительного анализа образа-концепта государства.

Нашими основными теоретическими предпосылками явились работы ученых, представляющих научные школы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии: С. Аскольдова (1997), В. Эванса (2007), Р. Джекендоффа (1989), Р. В. Лангакера (1991) и др. Эти работы позволяют сделать предположение, что каждый концепт, в том числе концепт государства, состоит из ядра, вербализованного определенной лексемой, и нескольких слоев, таких как метафорический, оценочный и этнокультурный ассоциативный. Эти слои представляют собой совокупность ассоциаций с определенным понятием, выраженным словом-стимулом. Упоминание данного слова порождает в сознании систему связей и отношений, связанных с исходным понятием [8. Р. 41].

Вербальные ассоциации образуются в речи, где определенная лексема регулярно встречается с другими лексемами как с положительными, так и с отрицательными коннотациями. Журналисты могут сознательно создавать микроконтексты для формирования желательных ассоциаций с определенным образом.

Метафорические эпитеты, представляющие зрительные, слуховые, тактильные и другие ассоциации, образуют *метафорический* слой концепта. Он очень важен, поскольку «структурирует наши действия и мысли» [9. Р. 56]. По словам Ван Дейка, «...метафоры связывают абстрактные понятия с конкретным опытом людей. В таких случаях могут быть подчеркнуты негативные или позитивные чувства и мнения» [10. Р. 187]. Поэтому в политическом медиадискурсе метафоры выполняют идеологические функции, создавая нужные политикам образы государств. К. Боулдинг обращает внимание на антропоморфные и зооморфные метафоры, участвующие в создании образов государств [4. Р. 110].

Медиадискурс обязательно оценивает различные события в стране, политических деятелей, государства с их внутренней и внешней политикой, что способствует формированию *оценочного* слоя образа-концепта. Термин «оценочный» подразумевает такие этические ценности, как добро и зло, добродетель и порок [11. Р. 949]. Оценочный слой очень важен для образа государства, пото-

му что, как утверждает К. Боулдинг, «враг плох во всех отношениях, а собственная нация – это безупречная добродетель» [12. Р. 120–121]. Таким образом, бинарная оппозиция *наше государство – чужое государство* является оценочной по самой своей сути.

Существует еще один слой образа-концепта государства – **этнокультурный ассоциативный** [13], характерный для определенного общества. В нем синтагматические ассоциации формируются за счет одновременного регулярного использования в микроконтекстах образов-концептов государства и лексем, принадлежащих к определенным семантическим полям, например, таким как «агрессия», «дружелюбие», «достижения», «бедность» и т.д. В результате название государства начинает вызывать ассоциации с определенными понятиями [14]. Семантика этих ассоциаций помогает сформировать либо позитивное, либо негативное отношение к государству.

Другими словами, образ-концепт государства состоит из трех субобразов: метафорического, ценностного и этнокультурного ассоциативного.

Образ-концепт государства имеет динамический характер и зависит от международной обстановки, поскольку «символический образ нации имеет важные аспекты безопасности и отсутствия безопасности» [4. Р. 112]. Чувствуя себя в опасности, нация создает агрессивный образ угрожающего ей государства. Если ситуация улучшится, образ врага может замениться образом партнера. Если ситуация может ухудшиться, образ враждебного государства опять будет доминировать.

Для того чтобы выявить и сравнить языковые средства, участвующие в экспликации ядра образа-концепта России и его трех основных слоев, формирующих два контрастных образа этого государства в британском политическом медиадискурсе 1991–1993 и 2013–2018 гг., нами был создан корпус примеров. В него вошло около 1230 микроконтекстов, включающих лексему «Россия» и замещающие ее слова: 520 (1991–1993 гг.) и 710 (2013–2018 гг.) микроконтекстов.

Эти микроконтексты были извлечены из сайтов британских газет The Times, The Guardian, The Observer, The Financial Times, The Daily Telegraph, The Daily Mail, The Daily Mirror, журнала Economist, электронных журналов и газет The Standpoint, The Opendemocracy, The Spectator и сайтов theconversation.com, calvertjournal.com,

blogs.reuters.com, medium.com, newstatesman.com, gov.uk, standpointmag.co.uk.

Говоря о микроконтекстах 1991–1993 гг., следует отметить, что большинство из них (61%, т.е. 352 примера из 520) были обнаружены в газетах 1991 г. Это вполне объяснимо, так как в конце 1991 г. был юридически оформлен распад Советского Союза, что в нашей стране привело к замене социалистического строя на капиталистический. Статьи о России часто публиковались на первых полосах и освещали такие события, как восстание в Литве, августовский путч, договор в Беловежской пуще и др. К 1993 г. поток статей, посвященных России, уменьшился и в языковой картине мира, созданной британскими СМИ, образ-концепт России переместился от центра к периферии, что свидетельствует об уменьшении его номинативной плотности.

С 2014 г. мы заметили противоположную тенденцию: образ-концепт России снова находится в центре вышеупомянутой картины мира. Интерес к России в Великобритании снова стал возрастать из-за воссоединения Крыма с Россией, конфликта на Украине, российской военной помощи в Сирии, дела Скрипалей, чемпионата мира по футболу.

Ведущая роль в формировании образа России в Великобритании принадлежит газетам *Guardian* (102 микроконтекста) и *Financial Times* (63 микроконтекста). Языковые средства, используемые в экспликации образа-концепта России в британском медиадискурсе в течение двух рассматриваемых периодов, были выявлены и интерпретированы с помощью метода критического дискурс-анализа, а также контекстологического и семного анализа, описанных в работах Дж. Фёрта (1957), З. Харриса (1952), В. Дейка (1993, 1995), Э. Найды (1951).

Метод контекстологического анализа дал возможность составить список лексем и словосочетаний, участвующих в экспликации ядра образа-концепта России, а также список *оценочных* лексем, использованных в одних и тех же микроконтекстах вместе с номинациями этого государства. Семный анализ этих лексем, основанный на определениях в толковых словарях, показывает диапазон понятий, *ассоциативно* связанных с Россией. Например, существуют контексты, в которых лексема *Russia* используется с лексемой *menace*, которая

определяется как «*threat*, indication of a probable *evil* to come» [15. P. 933]. В свою очередь, слово *threat* определяется как «a warning or sign of impending *danger* or *damage*» [14. P. 1602], а слово *danger* – как «exposure to destruction, ruin, injury or other evil» [15. P. 398–399]. На основе этих определений мы можем выделить такие семы, как *threat*, *danger*, *evil*, *damage*, *destruction*, *ruin*, *injury*. Таким образом, регулярное использование лексемы *Russia* с лексемой *menace* помогает сформировать соответствующие негативные ассоциации по смежности.

Средства экспликации **метафорического слоя** были выявлены с помощью метода анализа концептуальных метафор [8], предполагающего сравнение значения слова / группы слов в контексте с их основным значением в системе языка. В случае их расхождения лексическое значение рассматривается как образное или метафорическое [16]. С помощью этого метода мы выявили различные типы метафор, участвующих в формировании образа-концепта России.

На заключительном этапе исследования был использован сравнительный метод. Языковые средства, участвующие в экспликации ядра и трех слоев образа-концепта России в 1991–1993, 2013–2018 гг. были сопоставлены и интерпретированы, что дало возможность показать трансформацию образа-концепта России, выявить разницу между образами России, формировавшимися в британских СМИ в эти периоды.

Последнее десятилетие прошлого века началось с распада сверхдержавы СССР и рождения нового государства Россия. В британских словарях того периода лексема *Russia* как средство экспликации **ядра** концепта определялась как «бывшая империя в Восточной Европе и Северной Азии» (www.merriam-webster.com); «Российская Империя» (www.collinsdictionary.com); «одна из республик Советского Союза» (www.merriam-webster.com); «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» (www.collinsdictionary.com); «СССР» (www.merriam-webster.com). Последняя лексема часто использовалась в качестве эквивалента лексемы «Россия», хотя в состав СССР помимо нее входило 14 других республик.

Стоит отметить, что в 1991 г. лексема *Russia* не использовалась британскими журналистами, но в 1992–1993 гг. она получила широ-

кое распространение и послужила названием соответствующего концепта.

(4) *Russia* after 1992 as well as her reforms are in serious jeopardy (Guardian. 1992. Ноябрь 12).

В британском политическом медиадискурсе также использовались различные лексемы-заместители слову *Russia*, такие как *former Soviet Union*, *Russian-Soviet state*, *Russian Empire*, подчеркивающие преемственность между Россией и Советским Союзом:

(5) *Former USSR* (Russia) has served as a stopgap for other Soviet Republics for so long time [Observer. 1991. Декабрь 8].

(6) *Russian Empire* will always protect its Orthodox faith and Slavic culture (Times. 1991. Август 8).

Однако британские журналисты также стали использовать такие номинации, как *Russian Federation* и *Moscow*:

(7) The direct presidential election campaign now under way in the giant *Russian Federation* is the first of its kind in Soviet history (Observer. 1991. Июнь 2).

Номинации со словом *new* подчеркивали рождение нового государства, обуславливая появление нового концепта:

(8) The icy test of popular democracy in *the new Russia* (FT. 1993. Декабрь 11).

В настоящее время в британских словарях России уже определяется как отдельное государство. Словарь Коллинза отмечает ее размеры: «the largest country in the world, covering Eurasia and bordering on the Pacific and Arctic Oceans and the Baltic, Black, and Caspian Seas» [www.collinsdictionary.com].

Словосочетание *New Russia* стало регулярным средством экспликации ядра-концепта России:

(9) *New Russia* acts in deliberate opposition to US (Guardian. 2014. Ноябрь 19).

Однако если в 1990-х гг. эпитет *new* имел в большей мере геополитический характер по причине того, что было создано новое госу-

дарство с другой политической системой, то в середине 2010-х гг. этот эпитет отражает новую внутреннюю и внешнюю переоценку России на политической арене. С начала 1990-х гг. на протяжении 20 лет Россия считалась слабым и отсталым в экономическом развитии государством, но после 2012 г. она начала набирать силу и стала «новой» по отношению к 1990-м гг.

Благодаря Т. Мэй теперь в британской политической прессе появилась новая номинация для России – ‘*the Russian State*’:

(10) It reflects the fact that this is not the first time that *the Russian State* has acted against our country (www.gov.uk. 2018. Март 14).

В последние годы британские журналисты также активно начали использовать метонимическую замену *the Kremlin*, а также словосочетание *Putin’s Russia* для номинации России:

(11) *Putin’s Russia* and the west (Guardian. 2014. Ноябрь 19).

(12) How dangerous is *Vladimir Putin’s Russia*? (FT. 2018. Март 19).

На наш взгляд, такие номинации имеют две противоположные причины. С одной стороны, Владимир Путин считается в Британии диктатором, который держит страну в своих руках. С другой стороны, британская пресса таким образом подчеркивает, что именно он вернул России статус угрозы и опасности для Запада, утраченный в начале 1990-х гг.

Говоря о **метафорическом слое** концепта «Россия» в 1991–1993 и 2013–2018 гг., следует сопоставить типы метафор, использовавшиеся в эти периоды. В статьях о России 1990-х гг. были очень популярны **морбиальные метафоры**, связанные с болезнями и смертью. Например, распад Советского Союза был описан как агония умирающего пациента:

(13) Analysis gives the false impression that economics, not politics, lies at the heart of *the Soviet agony* (Daily Telegraph. 1991. Август, 22).

(14) To keep the Soviet Union *on a life support machine* (Daily Telegraph. 1991. Август 22).

(15) ...*moribund* Soviet Union (Daily Telegraph. 1991. Август 21).

(16) The Soviet Union is on its *death bed* (Daily Telegraph. 1991. Август 22).

Однако смерть старого государства означала рождение нового:

(17) *A superpower dies and 'a great dream' (Russia) is born with treaty* (Times. 1991. Декабрь 3).

В The FT сравнили появление нового государства с человеком, пробуждающимся от глубокого сна.

(18) *Russia now stretching and flexing its muscles*, as if after a long sleep (FT. 1991. Август 31).

С 2014 г. британская пресса также широко использовала **морбиальные** метафоры, но совсем в другом контексте. Они призывали общественность еще больше навредить России, чтобы заставить ее изменить свою внешнюю политику.

(19) *Moscow is hell-bent on grabbing land, a hunger from which it can be distracted only through the infliction of pain* (FT. 2014. Сентябрь 14).

Один из журналистов предлагал художникам бойкотировать Россию, нанести удар по самому слабому месту для нее – по культуре:

(20) *Let's hit Putin where it hurts* – all artists must boycott Russia (Guardian. 2014. Сентябрь 4).

Строительные метафоры в британском политическом медиа-дискурсе периода 1991–1993 гг. подчеркивали экономическую катастрофу, случившуюся после распада Советского Союза, и представляли Россию в виде дымящихся руин старой империи.

(21) *Now Russia represents itself the smoking ruins of an old empire* (Guardian. 1993. Октябрь 5).

Словосочетание *dangerous ruin* (Daily Telegraph. 1991. Август 27), используемое журналистом, показывало опасения, которые вызывали эти руины разрушенной, но непредсказуемой страны.

В последние шесть лет этот вид метафор не используется в британских СМИ или их лексическое наполнение и семантическое содержание часто сильно отличаются от таковых в 1990-х гг.

В 1990-х гг. британские журналисты часто использовали **антропоморфную** метафору *Mother Russia* в традиционном для России

смысле (образ матери, символ материнства). Журналист The Guardian описывает ситуацию в России как борьбу между президентом и парламентом, что похоже на противостояние между властным отцом и страдающей матушкой-Россией. Эта борьба, по его мнению, есть в каждой русской душе.

(22) In this sense the struggle between president and the parliament represents the struggle that is going on inside almost every individual Russian soul: the powerful Russian father-figure on the one hand and the much *suffering Mother Russia* on the other (Guardian. 1993. Март 23).

В британских СМИ 2013–2018 гг. мы находим примеры, где метафора *Mother Russia* довольно фамильярна, иронична, сравнима с выражениями *Odessa-mom* или *Rostov-dad*:

(23) *Mother Russia*, the inscrutable and inebriated land of dashcams and dancing bears (calvertjournal.com. 2013. Ноябрь 18).

Военные метафоры, использовавшиеся в 1990-х гг., касались внутренней, а не внешней политики России. С их помощью Россия изображалась как поле битвы, на котором решалась судьба всех сопричастных республик:

(24) Russia is a battle-ground (FT. 1991. Август 20).

В настоящее время в британском политическом медиадискурсе регулярно используется военная метафора, представляющая Россию стратегическим врагом, так как она якобы перестала уважать границы других государств:

(25) “Russia has shown itself to be a *strategic enemy*, not a strategic partner,” said one senior British official. “The Russian threat does not respect borders and we are all at risk (FT. 2018. Март 22).

Театральные метафоры представлены в британских СМИ в обоих сравниваемых периодах. В 1990-х гг. они описывали хаос, воцарившийся в России после распада Советского Союза:

(26) *In the theatre of the absurd* that passes for Russia these days (FT. 1993. Апрель 1).

Однако с помощью театральных метафор также подчеркивалась ведущая роль России в различных политических процессах:

(27) At the same time Russia as well as Latvia has become *one of the leading actors* in the drama in the Baltics (Guardian. 1991. Январь 16).

Сегодня британские журналисты изображают Россию как одного из независимых актеров на мировой сцене, которого должно воспринимать довольно серьезно:

(28) Perhaps, demonstrating that his country is *an independent actor on the world stage* that has to be taken seriously (Economist. 2016. Март 19).

Территории бывших стран Варшавского договора называются в прессе *post-Soviet arena*. При этом публицисты часто подчеркивают направляющую и руководящую роль России по отношению к этим странам, используя метафоры, представляющие Россию как кукловода и дирижера:

(29) To maintain and establish Russia as a regional superpower *in the post-Soviet arena* (theconversation.com, 2014, сентябрь 10).

(30) Russia acting as *puppet-master* (Economist. 2014. Август 23].

(31) Russia's *orchestration* (Economist. 2014. Апрель 30).

Украина и Сирия репрезентируются как главные театральные увлечения России:

(32) We are all familiar with its (Russia's) *principal theatres of involvement* – Ukraine and Syria (www.gov.uk. 2017. Февраль 2).

Сравнивая мировую политическую арену с азартной карточной игрой, журналисты часто используют по отношению к Российской Федерации **метафоры**, связанные с этим родом игр. В 1991–1993 гг. этими метафорами авторы хотели подчеркнуть экономический и социальный авантюризм России (33), а где-то и желание показать силовую игру:

(33) The former USSR is rushing towards a *gigantic economic and social gamble*, in which millions will be instantly impoverished (Observer. 1991. Декабрь 8).

(34) Voice of warning in Russia's *power play* (FT. 1993. Апрель 1).

Используя карточный термин *play a card*, британские СМИ считали, что Кремль разыгрывает карту 1914 г. как предупреждение Западу, напоминая о Первой мировой войне:

(35) Kremlin *plays 1914 card* in warning to the west (Times. 1991. August 8).

В наше время игровые метафорические модели, связанные с различными типами игр (военными, компьютерными, карточными), также достаточно широко распространены в британских СМИ. В частности, британские журналисты предполагают, что словесная война Путина с Западом может привести к военным играм:

(36) 'Putin's war of words with the West escalated into *war games*' (www.express.co.uk. 2018. Март 31).

По мнению газеты Guardian, В. Путин и Россия тренируются, участвуя в военных играх (37). Журналист газеты Times, признавая факт, что Россия выиграла от конфликта между Ираном и Саудовской Аравией (38), сравнивает этот конфликт с компьютерной игрой:

(37) Russia conducted military exercises or *played war games* (Guardian. 2015. Апрель 23).

(38) There was only one *winner in the computer game* of Iran-Saud conflict, and that was Russia (Guardian. 2014. Декабрь 7).

Британская пресса называет Россию *foreign player in Syria*, добавляя эпитет *more important*, который показывает приоритет России в данном регионе в противовес к США:

(39) President Putin also saw, as he rode a wave of post-Crimea public support, an opportunity through intervening for Russia to become a *more significant foreign player* in Syria vis-à-vis the US (Daily Telegraph. 2016. Август 9).

Британские масс-медиа отмечают стремление Путина возродить Великую Россию – «*making Russia great again has become a new ideology for Putin*» (time.com. 2018. Март 19). Используя карточные метафоры, они подчеркивают, что насаждение этой идеи – единственная карта, которую Кремлю надо будет разыгрывать снова и снова:

(40) This *card* – the inculcation of pride that “Russia is again a great country” – is the largest, maybe the only, one in the Kremlin deck and will need to be played again and again (blogs.reuters.com. 2016. Апрель 14).

Спортивные метафоры также используются в британском политическом медиадискурсе в обоих сравниваемых периодах. Их немного, но они последовательно формируют устойчивые ассоциации России с поражением. В 1990-е гг. и Советский Союз, и Россия в качестве его преемницы, назывались неудачниками (*losers*) в связи с распадом коммунистического государства:

(41) <...> republics he is desperate to hold within a *loser*, decentralized USSR (Observer. 1991. Январь 20).

В настоящее время метафора *losers* подчеркивает экономическую слабость современной России.

(42) Russia, so heavily dependent on oil revenue, is *loser* (Observer. 2014. Декабрь 7).

Журналист Financial Times использовал синоним слова *losers* – *also-ran*, заимствованный на этот раз из терминологии конного спорта:

(43) Russia slides from technological superpower to *also-ran* (FT. 2016. Март 21).

В статьях 1990-х гг. мы встречаем **артефактные** метафоры, сравнивающие Россию с домом, который уже обветшал и неудобен в использовании (44). А также большим, но полуразрушенным помещением (45), потому что нет денег на новое:

(44) *Russian house* is outmoded and inconvenient, but there is no money to buy new... (Observer. 1992. Апрель 12).

(45) Yeltsin is like the inheritor of a *great but crumbling estate*, with the ambition, but not yet the means, to restore its former splendor (Observer. 1992. Апрель 12).

В 2017 г. артефактная метафора, сравнивающая Россию с устаревшим и неудобным домом, превратилась в метафору, изображающую Россию как дом Путина, который он лично построил и не собирается никому отдавать:

(46) *Russia is the house that Vladimir Putin built – and he will never abandon it* (Guardian. 2017. Март 27).

Важная роль в создании образа России в британском медиадискурсе принадлежит **зооморфным** метафорам. Россия традиционно предстает в образе **медведя** в западноевропейских культурах начиная с XVIII в., когда она стала восприниматься как имперская держава, претендующая на мировое господство. Статьи 1990-х гг. сохранили ту же традицию.

Британские журналисты того периода не отрицали, что у Запада есть цель победить русского медведя:

(47) *Concepts bred in the West to combat the Russian bear* (FT. 1991. Август 31).

В 1990-е гг. Россию сравнивали также со **слоном**, крупным, тяжелым и, следовательно, опасным животным:

(48) *We must realize that we are sharing a bed with an elephant (Russia); if it rolls over it can smooth us* (FT. 1993. Январь 20).

В наши дни Россию также сравнивают с **медведем**, воспринимаемым как символ России:

(49) *The symbol of the Russian bear is universally understood to be the symbol of Russia, so it is an immediate attention-grabber that readers will grasp quickly* (www.medium.com. 2016. Июль 10).

Автор одной статьи обращает особое на внимание на когти и клыки русского медведя, чтобы сделать этот образ еще более угрожающим:

(50) *But you probably want to emphasize either the claws or teeth of the Russian bear, right?* (www.medium.com. 2016. Июль 10).

Тот же автор, сравнивая два символа-образа России XIX и XX вв. признает, что Россия как медведь выглядит в XXI в. лучше, чем старая карикатура 1877 г. времен Русско-турецкой войны, на которой Россия изображена в виде огромного серого *осьминога*, протягивающего свои щупальца к Турции, Балканам, Пруссии и Скандинавским странам:

(51) <...> the image of the Russian bear is probably preferable to the image of the Russian octopus (medium.com. 2016. Июль 10).

В 2018 г. в британском политическом медиадискурсе появилась новая зооморфная метафора, сравнивающая Россию с непредсказуемой и опасной *гориллой*. Ее использовал бывший посол Великобритании в Москве, желая подчеркнуть, что Россия – это страна, с которой не стоит поддерживать нормальные дипломатические отношения:

(52) The former British ambassador to Moscow Sir Roderic Lyne counselled against further tit-for-tat diplomatic measures, saying: “It is not sensible to mud-wrestle with a gorilla” (Guardian. 2018. Март 17).

Оценочный слой концепта-образа России в 1990-е гг. представлен высказываниями, в том числе эпитетами с позитивной коннотацией. Великобритания была удовлетворена распадом Советского Союза и возлагала большие надежды на новую Россию. Неудивительно, что британские публицисты охарактеризовали Россию как страну, усиливающую свою позиции, богатую ресурсами и умом, во многих отношениях лучшую, чем СССР:

(53) A modern country (Russia) – richer, more powerful and more civilized (Times. 1991. Январь 25).

В то же время в британской прессе формировался образ России как богатой страны, которую ее лидеры привели к обнищанию. Россия представлялась читателю как уставшее, растерянное и неуверенное государство:

(54) Russia woke up confused and uncertain (Guardian. 1992. Декабрь 11).

Чтобы подчеркнуть огромные размеры и в то же время показать слабость ее экономического положения, Россию сравнили с колосом на глиняных ногах:

(55) Only its proximity to Russia, *an intercontinental colossus*, can make it look small on the map (FT. 1991. Декабрь 3).

Так, в 1990-е гг. возник аксиологический контраст в представлении образа России в британских СМИ. Но в настоящее время мы не находим эпитетов с положительными коннотациями, хотя аксиологические оппозиции *rich – poor*, *weak – strong* по-прежнему популярны. Таким образом британские публицисты сравнивают быстрый рост экономики России до 2008 г. и ее спад под санкциями после 2014 г., к которым привели ошибочные шаги российского руководства:

(56) The cumulative result of all these mis-steps is that Russia is *much poorer* and more isolated than it should be. Its economy is under sanctions and the years of rapid growth before 2008 are a receding memory (FT. 2018. Март 19).

В полном соответствии с метафорой *looser* Россию продолжают считать побежденной страной:

(57) The west treats Russia as a *defeated* nation (FT. 2014. Март 5).

Чтобы подчеркнуть слабость России, в статьях часто используются оксюморонные высказывания с антонимами *weakness / strength*, *weak / strong*:

(58) Russia has always tried to get over its *weakness* by exaggerating its *strength* (Guardian. 2014. Октябрь 14).

(59) If Russia looks *strong*, remember it's *weak* (Times. 2016. Октябрь 26).

Оценочный слой образа-концепта России также представлен в британских СМИ высказываниями, включающими эпитеты с семами «агрессия», «опасность», «угроза», «враждебность» в структурах их значений:

(60) Russia is not the only former communist country in Eastern Europe to flunk the transition to democracy, but it is the biggest and *the most dangerous* (Guardian. 2014. Сентябрь 4).

(61) To convey the *threatening* nature of all things Russia, maybe it is just easier just to show the Russian missiles, tanks, weapons and troops directly (medium.com. 2016. Июль 10).

В некоторых высказываниях британских СМИ явно видно осуждение России в чрезмерных амбициях, расточительности и отсутствии мудрости во время Олимпийских игр 2014 г. в Сочи и на чемпионате мира по футболу 2018 г. Грандиозность данных мероприятий рассматривается только как попытка возродить величие России:

(62) As hosts, Russia and President Putin, to most observers, looks immensely *risky, wildly ambitious and probably unwise* (Times. 2014. Февраль 6).

(63) The World Cup... would also carry symbolic value. "I think the original idea was a *demonstration of Russia's greatness* for both the outside world and a domestic audience", Navosha said (Guardian. 2018. Апрель 8).

Британские журналисты даже выражали обеспокоенность тем, что под влиянием чемпионата мира, проводимого в огромных масштабах, иностранные болельщики поверят в несуществующее процветание России и будут говорить о нем повсюду:

(64) For all the *refreshing openness* of this World Cup, and the *intoxicating* sensation of a night-time walk down Nikolskaya Street, there is good reason to remain *wary* of what comes next (Telegraph. 2018. Июнь 23).

Современные эпитеты, используемые в британских СМИ, также характеризуют Россию как загадочную, пьяную и сумасшедшую страну. Британцы были почему-то особенно удивлены фактом, выяснившимся после падения Челябинского метеорита. Оказалось, что у многих россиян есть видеокамеры в личных автомобилях. Не меньшее удивление вызывают у британцев и другие свойственные России, граничащие с безумием странности, олицетворением которых являются танцующие медведи:

(65) Mother Russia, the *inscrutable* and *inebriated* land of dashcams and dancing bears (calvertjournal.com. 2013. Ноябрь 18).

Ассоциативный слой образа-концепта России в 1990-х гг. был представлен высказываниями, содержащими словосочетание *former (nuclear, military, political, sports) superpower*, противопоставлявшим слабую Россию могущественному Советскому Союзу в различных сферах:

(66) *Russia as a former superpower* (FT. 1991. Август 19).

Только некоторые журналисты верили, что Россия снова станет сверхдержавой:

(67) *Russia likely to become new nuclear superpower* (FT. 1991. Август 28).

В настоящее время мы сталкиваемся с ироническими оксюморонами, представляющими Россию как сверхдержаву, но наименее могущественную из всех:

(68) *This is the most underpowered of superpowers* (Guardian. 2016. Июнь 10).

Англичан поражает, как Путин смог убедить всех, что Россия снова стала сверхдержавой:

(69) *How Putin conned us into thinking Russia is a superpower again* (newstatesman.com. 2016. Сентябрь 5).

Считая себя «международными экспертами», некоторые британские публицисты часто выдают желаемое за действительное, как бы не замечая реальные силы и возможности России. В этом случае они используют антонимические конструкции, где нашему государству отводится роль карлика рядом с супердержавами (США и Китаем):

(70) *Russia – a dwarf compared with the world's only two economic superpowers* (Standpoint. 2016. Январь 17).

В начале 1990-х гг. журналисты серьезных газет продолжали формировать у своего читателя ассоциацию между Россией и империей, намекая на якобы империалистические настроения россиян, несмотря на годы пребывания в советской республике:

(71) ...*the Russian Empire* as the 'successor state' (FT. 1991. August 31).

К 2016 г. России удалось повысить свою значимость в мире и достигнуть большого влияния на мировой арене, что привело к окончательному закреплению за ней статуса империи, в том числе и в британском медийном дискурсе:

(72) Today, we are dealing with *an Imperial Russia* – not a rehash of the Soviet Union (Telegraph. 2017. Январь 18).

Этому способствовало выступление Збигнева Бжезинского на страницах *Financial Times* в 2013 г., который утверждал, что геополитическая цель России состоит в том, чтобы восстановить старую Российскую империю или недавний Советский Союз:

(73) Moscow's current geopolitical goal, shaped by President Vladimir Putin's nostalgic obsession with the country's imperial past, is to recreate in a new guise something akin to the *Old Russian Empire* or the more recent *Soviet "union"* (FT. 2013. Декабрь 10).

Именно поэтому возвращение Крыма в состав России расценивается британскими журналистами исключительно как попытка восстановления старой империи:

(74) A violent restoration of its *old empire* (FT. 2013. Декабрь 10).

Соответственно, по их мнению, Британия должна будет возглавить оппозицию против новой имперской России под руководством «царя Путина»:

(75) Without America, Britain must lead in standing up to *Tsar Putin's new imperial Russia* (Telegraph. 2017. Январь 18).

В 1990-х гг. большинство британских СМИ считали Россию *преемницей* СССР и создавали соответствующие ассоциации:

(76) <...> *the successor* of the former SU (Observer. 1992. Январь 12).

Вместе с тем они представляли новую Россию как страну, свободную от коммунистической идеологии. В это время Россию на

картах мира стали раскрашивать зеленым цветом в отличие от красного цвета СССР. Британские журналисты также внесли свой вклад в формирование этой цветовой ассоциации:

(77) *The Russian empire is taking its red Soviet dress off* (Observer. 1991. Январь 13).

(78) *On the map Russia ended up green* (Times. 1991. Декабрь 30).

Однако в наши дни британские журналисты снова создают ассоциации России с Советским Союзом, предполагая, что Россия с тех пор не изменилась и, возможно, даже стала еще опаснее:

(79) *Russia may not have changed that much since the Soviet days* (Guardian. 2014. Ноябрь 19).

Россия никогда не воспринималась Великобританией как западная страна. И во многих статьях в сравниваемых нами периодах журналисты относят Россию к **восточным странам**, что помогает формировать соответствующие ассоциации:

(80) *The east (Russia, Armenia, Georgia, etc.) is mainly authoritarian and egalitarian* (FT. 1991. Июнь 17).

В то же время британские журналисты не одобряют поворот России на восток и в этом случае начинают подчеркивать ее историческую связь с **Европой**:

(81) *Russia may pivot to the east but it cannot escape its European destiny* (FT. 2014. Ноябрь 19).

В своем анализе различных политических сил России британцы с удивлением обнаружили, что представители оппозиции Собчак и Навальный сошлись во мнении, что России является «нормальной европейской страной с верховенством права»:

(82) *For all the difference in their tactics, Mr Navalny and Ms Sobchak share a vision of Russia as a normal European country, subject to the rule of law* (Economist. 2018. Март 22).

Хотя в наши дни в британской прессе преобладают негативные ассоциации, мы можем сказать о недавно появившихся позитивных.

Некоторые британские авторы аналитических статей имеют смелость видеть *пользу*, которую получает их страна от российских инвестиций и *вклад* многих русских в британское общество. Не забыли они и о событиях *двух мировых войн* XX в., когда Россия и Великобритания были союзниками:

(83) The UK, for its part, *has benefited from Russian investments* and from the *contribution* to its society made by many resident Russians. British and Russians *fought shoulder to shoulder* in the two great wars of the last century (Guardian. 2018. Апрель 17).

А особо смелые и независимые журналисты пытаются даже убедить своих читателей в том, что Россия не является врагом, и сотрудничество двух стран взаимовыгодно, и поэтому несмотря ни на что нужно вести диалог:

(84) Like it or not, Russia and the UK *need each other* – and will have to talk (Guardian. 2018. Апрель 17).

Еще одна группа позитивных ассоциаций – это ассоциации, связанные с *великой русской культурой и ее традициям*. У британцев вызывает удивление факт, что даже в самые тяжелые дни Второй мировой войны Россия обращалась к классической музыке за утешением:

(85) It (Russia) *has a great cultural tradition* that is both truly popular and profoundly serious (Guardian. 2014. Апрель 9).

К сожалению, позитивные ассоциации в британской прессе очень малочисленны и не доминируют в создании образа России.

Результаты проведенного исследования подтвердили нашу гипотезу о том, что в британском политическом медиадискурсе двух периодов были созданы два разных образа новой России. Один – в 1991–1993 гг. после распада Советского Союза, и другой – в 2013–2018 гг., когда британско-российские отношения резко обострились.

В 1991 г. британские журналисты еще использовали такие словосочетания, как *former Soviet Union*, *Russian-Soviet state*, *Russian Empire*, для обозначения нашего государства. Но уже в 1992–1993 гг. лексема *Russia* стала регулярным средством наименования наравне с

Russian Federation и *Moscow*. Номинация *new* подчеркивала рождение нового государства. В настоящее время появились такие номинации, как *the Russian State, the Kremlin, Putin's Russia*.

Метафорический слой концепта Россия в 1990-х гг. и в настоящее время различается в главном. Метафорический образ России сменился с коннотации, связанной с понятием слабой, больной, новорожденной или поверженной страны, на наступательный образ врага, кукловода, активного участника военных игрищ или агрессивных животных типа медведя, гориллы или осьминога.

Оценочный слой образа-концепта России в 1990-х гг. был представлен высказываниями-эпитетами с некоторыми позитивными коннотациями, связанными с надеждой на восстановление и дружелюбие с ее стороны. В настоящее время позитивных коннотаций почти не обнаруживается. Преобладают эпитеты с семами «агрессия», «опасность», «угроза», «враждебность», «безумие», «пьянство».

Ассоциативный слой образа-концепта России в 1990-х гг. был представлен в британской прессе лексемами *former superpower*, противопоставляющими слабую Россию могущественному Советскому Союзу. Россия как преемница СССР ассоциировалась с империей, с зеленым цветом возрождения, с Востоком и загадочностью. В настоящее время Россия признается как сверхдержава, империя, но наименее могущественная из всех. В британских СМИ ее опять считают равноценной «опасному» Советскому Союзу. Хотя объективные журналисты уверены, что Россия не враг, что сотрудничество двух стран взаимовыгодно, учитывая позитивный исторический опыт взаимодействия двух великих культур.

Предложенная в статье схема анализа может быть применена для исследования трансформаций образов других государств. Статья может использоваться в учебных курсах для лингвистов, журналистов и политиков.

Литература

1. *Tehrani M.* Global Communications and World Politics: Domination, Development and Discourse. Boulder, CO, United States : Lynne Rinner, 1999. 277 p.
2. *Johnson-Laird P.N.* Mental Models and Probabilistic Thinking // *Cognition*. 1994. Vol. 50, № 1–3. P. 189–209.

3. *Van Dijk T.* The Mass Media Today: Discourses of Domination or Diversity? // *Javnost. The Public* (Ljubljana). 1995. Vol. 2, № 2. P. 27–45.
4. *Boulding K.* The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor, MI, United States : The University of Michigan Press, 1956. 175 p.
5. A Statement to the House of Commons by Prime Minister Theresa May Following the Salisbury Incident. (2018. March 14). URL: www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-response-14-march-2018
6. *Poloyan A.V.* News on the Web Corpus for researchers // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук : сб. статей XI Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. М. : РУДН, 2019. С. 591–601.
7. *Van Dijk T.* Structures of Discourse and Structures of Power // *Annals of the International Communication Association*. 1989. Vol. 12, № 1. P. 18–59.
8. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Oxford, UK : Blackwell Publishing, 2008. 556 p.
9. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, IL : The University of Chicago Press, 2003. 275 p.
10. *Van Dijk T.* Ideology and Discourse // *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 175–196.
11. *Audi R.* The Cambridge Dictionary of Philosophy. 2nd ed. New York, USA : Cambridge University Press, 1999. 581 p.
12. *Boulding K.* National Images and International Systems // *The Journal of Conflict Resolution*. 1959. Vol. 3, № 2. P. 120–131.
13. *Павлѐнѹс П.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983. 286 с.
14. *Боева-Омелечко Н.Б., Постерняк К.П.* Репрезентация ассоциативной составляющей концепта «Россия» в современных британских СМИ // Когнитивные исследования языка. М. : Ин-т языкознания РАН, 2015. Вып. 21. С. 310–312.
15. *Finnegan E.G.* New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Delhi (India) : Surjeet Publications, 1989. 1824 p.
16. *Group P.* MIP: A Method For Identifying Metaphorically Used Words In Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2007. Vol. 22, № 1. P. 1–39.

Transformation of the Image-Concept of Russia in British Political Media Discourse: A Diachronic Aspect

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 16, pp. 148–173. DOI: 10.17223/24099554/16/10

Natalya B. Boeva-Omelechko, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: boeva1961@yandex.ru

Ksenia P. Posternyak, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: xana2437@gmail.com

Keywords: British political media discourse, image of state, image-concept 'Russia', image-concept transformation, linguistic surfacing.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-31-27001.

The images of states as special mental models are created in mass media discourse with its powerful persuasive capacity. The image of one and the same state can be different. This article focuses on the mechanisms of such a change of the image of New Russia in British mass media discourse on the basis of a comparative analysis of the linguistic ways of surfacing the nucleus of the concept “Russia” and its three basic layers – metaphorical, evaluative, and etnocultural associative – in the period after the collapse of the Soviet Union (1991–1993) and in the modern one (2013–2018). The relevance of this work is due to the growing interest of the British media in our country and the need to study the dynamics of verbalization of the conceptual, figurative, evaluative and associative components of the concept “Russia” in British media discourse over the past 30 years. The results of the study confirmed our hypothesis that two different images of New Russia were created in British political media discourse in the two periods: one in 1991–1993 after the collapse of the Soviet Union and the other in 2013–2018 when British-Russian relations sharply escalated. In 1991, British journalists still used phrases such as *former Soviet Union*, *Russian-Soviet state*, *Russian Empire* to designate our state. Currently, there are such nominations as *the Russian State*, *the Kremlin*, *Putin’s Russia*. The metaphorical image of Russia has changed from a connotation associated with the concept of a weak, sick, newborn or defeated country to an offensive image of an enemy, a puppeteer, an active participant in military games, or aggressive animals, such as a bear, gorilla or octopus. The evaluative layer of the image-concept of Russia in the 1990s was represented by epithet utterances with some positive connotations associated with the hope of restoration and friendliness on her part. Currently, almost no positive connotations are found. The associative layer of the image-concept of Russia in the 1990s was represented in the British press by *former superpower* tokens opposing weak Russia to the powerful Soviet Union. Russia, as the successor to the USSR, was associated with the empire, with the green color of rebirth, with the East and mystery. However, objective journalists are sure that Russia is not an enemy, that cooperation between the two countries is mutually beneficial, given the positive historical experience of the interaction of the two great cultures. The analysis scheme proposed in the article can be used to study the transformation of images of other states. The article can be used in training courses for linguists, journalists and politicians.

References

1. Tehranian, M. (1999) *Global Communications and World Politics: Domination, Development and Discourse*. Boulder, CO, United States: Lynne Rinner.
2. Johnson-Laird, P.N. (1994) Mental Models and Probabilistic Thinking. *Cognition*. 50 (1–3). pp. 189–209.

3. Van Dijk, T. (1995) The Mass Media Today: Discourses of Domination or Diversity? *Javnost. The Public* (Ljubljana). 2 (2). pp. 27–45.
4. Boulding, K. (1956) *The Image: Knowledge in Life and Society*. Ann Arbor, MI, United States: The University of Michigan Press.
5. May, T. (2018) *A Statement to the House of Commons by Prime Minister Theresa May Following the Salisbury Incident*. (2018. March 14). [Online] Available from: www.gov.uk/government/speeches/pm-commons-statement-on-salisbury-incident-response-14-march-2018
6. Poloyan, A.V. (2019) News on the Web Corpus for researchers. *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki i humanitarnykh nauk* [Topical issues of modern linguistics and the humanities]. Conference Proceedings. Moscow: RUDN. pp. 591–601.
7. Van Dijk, T. (1989) Structures of Discourse and Structures of Power. *Annals of the International Communication Association*. 12 (1). pp. 18–59.
8. Crystal, D. (2008) *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. 6th ed. Oxford, UK: Blackwell Publishing.
9. Lakoff, G. & Johnsen, M. (2003) *Metaphors We Live By*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
10. Van Dijk, T. (2013) Ideology and Discourse. In: Freeden, M. (ed.) *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford: Oxford University Press. pp. 175–196.
11. Audi, R. (1999) *The Cambridge Dictionary of Philosophy*. 2nd ed. New York, USA: Cambridge University Press.
12. Boulding, K. (1959) National Images and International Systems. *The Journal of Conflict Resolution*. 3 (2). pp. 120–131.
13. Pavilenis, R.I. (1983) *Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The problem of meaning. Contemporary logical-philosophical analysis of language]. Moscow: Mysl'.
14. Boeva-Omelechko, N.B. & Posternyak, K.P. (2015) Reprezentatsiya asotsiativnoy sostavlyayushchey kontsepta “Rossiya” v sovremennykh britanskikh SMI [Representation of the associative component of the concept “Russia” in modern British media]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. Vol. 21. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 310–312.
15. Finnegan, E.G. (1989) *New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition*. Delhi (India): Surjeet Publications.
16. Group, P. (2007) MIP: A Method For Identifying Metaphorically Used Words In Discourse. *Metaphor and Symbol*. 22 (1). pp. 1–39.